

ПЕПЕЛ НАСЛЕДИЯ

АНФИСА И АЛЕКСАНДР
БОГДАНОВЫ

Александр Богданов

ПЕПЕЛ НАСЛЕДИЯ

«Автор»

2026

Богданов А.

ПЕПЕЛ НАСЛЕДИЯ / А. Богданов — «Автор», 2026

В мире, где магия — болезнь, а носителей дара ждёт «Изъятие», семнадцатилетняя Вера прячет огонь под кожей. Каждое использование силы стирает её память, но она ищет мать, исчезнувшую в лабораториях Ордена. Когда в приюте появляется Дамиан — сын главы Ордена, ищущий брата, — их тени и огонь резонируют. Враги по крови, союзники по необходимости, они должны решить: довериться друг другу или сгореть. «Пепел Наследия» — антиутопия о магии с ценой, любви вопреки страху и искре, которая может спасти мир — или сжечь их обоих.

© Богданов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анфиса Богданова, Александр Богданов

ПЕПЕЛ НАСЛЕДИЯ

ПРОЛОГ

Сектор 7. Год 50-й после Тихого Мора

Женщина бежала по крышам Резервации, прижимая к груди сверток, который нельзя было отдавать.

Её звали Мария Коваль. Ей было тридцать четыре года, хотя выглядела она на сорок с лишним — сказывались годы недоедания, бессонницы и постоянного страха. Когда-то у неё были длинные чёрные волосы, которые она заплетала в косу перед сном. Теперь волосы были коротко острижены и выкрашены в грязно-серый цвет — чтобы не бросаться в глаза, чтобы сливаться с бетоном, чтобы не быть красивой. Красивых здесь замечали. А замеченных забирали.

Мария была одной из последних хранительниц ковена Пепельной Розы — древнего сообщества магов, которое когда-то насчитывало сотни членов, а теперь сократилось до горстки выживших, прячущихся по подвалам и заброшенным шахтам. Ковен Пепельной Розы славился своим даром: они умели говорить с памятью. Не читать мысли — это делали другие. Они умели чувствовать воспоминания, хранить их, передавать. Память была их валютой, их оружием, их проклятием.

Дар Марии проявлялся в огне. Не в том огне, который сжигает дома и людей. В огне, который освещает, согревает, исцеляет. Она могла зажечь свечу, не касаясь её. Могла согреть замерзающего ребёнка, просто взяв его за руку. Могла осветить тёмный подвал так, что темнота отступала, как испуганный зверь. Но у её огня была цена: каждый раз, когда она использовала дар, она теряла воспоминание. Одно. Маленькое. Иногда незначительное — как пахнет хлеб из пекарни на углу. Иногда — важное — как звучал голос матери, когда она пела колыбельные.

За пять лет, прошедших с рождения дочери, Мария потеряла сотни воспоминаний. Она уже не помнила, как выглядел её муж. Не помнила, как пахло его пальто. Не помнила, как он смеялся. Она знала только, что он был, что он любил её, что он умер, защищая их с Верой. Но это знание было пустым — как обложка книги, из которой вырвали все страницы.

Сверток в её руках пульсировал. Тепло, ритмично, как второе сердце. Внутри лежал осколок Первородного артефакта — Сердца Пепла. Мария нашла его три месяца назад в руинах старого храма за пределами Сектора 7. Храм был разрушен во время Тихого Мора, и никто не приходил туда восемьдесят лет. Никто, кроме неё. Она чувствовала зов — слабый, но настойчивый, как шёпот в темноте. Осколок ждал её.

Орден Чистоты считал, что все Первородные уничтожены. Что магия — это болезнь, которую можно вылечить стерилизацией, изоляцией, клеймом. Орден ошибался. Магия была не болезнью. Магия была наследием. И Сердце Пепла было ключом к этому наследию.

Мария не знала, что именно делает артефакт. Она знала только, что он важен. Что за ним охотятся. Что если он попадёт в руки Кассиана Рейна, всё будет кончено.

Кассиан Рейн. Глава Ордена Чистоты. Человек, который приказал забрать её мужа. Человек, который приказал забрать сотни носителей. Человек, который улыбался, когда говорил о «благах человечества», и подписывал приказы о стерилизации детей.

Мария ненавидела его. Но ещё больше она его боялась. Потому что Кассиан Рейн был не просто тираном. Он был носителем. Одним из самых сильных, которых она когда-либо встре-

чала. Он скрывал это ото всех — даже от собственной семьи, — но Мария чувствовала его дар. Тени. Он управлял тенями так же легко, как она управляла огнём. И он использовал свой дар, чтобы уничтожать других носителей. Чтобы строить свою империю. Чтобы становиться сильнее.

Он был охотником. Она была добычей.

И сегодня он её почти поймал.

Сирен было три. Они были на разные голоса — низкий, средний, высокий, — и от этого казалось, что весь мир кричит. Проекторы резали ночь белыми лезвиями, выхватывая из темноты ржавые трубы, колючую проволоку, бетонные стены с осыпающейся штукатуркой. Где-то внизу лаяли собаки — не обычные, а охотничьи, специально обученные чувствовать магию. Где-то выше гудели дроны — маленькие, юркие, с камерами, которые видели в темноте.

Мария знала эту часть Резервации слишком хорошо. Здесь она выросла. Здесь она впервые почувствовала свой дар — в шесть лет, когда случайно подожгла занавеску, пытаясь согреться. Здесь её мать учила её прятать огонь: «Не показывай. Не говори. Не будь собой. Иначе тебя заберут». Здесь она встретила своего мужа — в очереди за водой, когда обоим было по двадцать. Здесь родилась Вера — в маленькой комнате с потрескавшимися стенами, под вой сирен, потому что Орден проводил очередную облаву.

Резервация была лагерем. Не концлагерем — Орден не любил это слово, — но лагерем. Носители жили здесь, потому что им не разрешали жить где-либо ещё. Они работали на фабриках, добывали Пепельный кристалл в шахтах, строили стены, которые их же и окружали. Им платили едой — скудной, однообразной, но достаточной, чтобы не умереть с голоду. Им давали крышу над головой — бетонные бараки без отопления, с окнами, забранными решётками. Им разрешали иметь семьи — но только под наблюдением, только с разрешения коменданта, только если оба родителя были «лояльными».

Мария была «лояльной» ровно до того момента, как её муж проявил дар. Он был тихим человеком — работал механиком, чинил генераторы, не лез в политику. Но однажды, когда на фабрике случилась авария и он оказался под завалом, его дар вырвался наружу. Он поднял обломки голыми руками — не потому, что был сильным, а потому что его Ядро сработало само, защищая его. Орден узнал через час. Через два часа его забрали.

Мария никогда не узнала, что с ним случилось. Ей сказали, что он «исцелился». Что он «больше не опасен». Что она должна быть благодарна. Она не была благодарна. Она была в ярости. Но она прятала ярость глубоко внутри, как прятала огонь, как прятала дочь, как прятала всё, что было дорого.

Вера была единственным, что у неё осталось. Вера, которой было двенадцать. Вера, у которой только начал проявляться дар — слабый пока, но сильный, гораздо сильнее, чем у самой Марии. Вера, которая унаследовала от отца упрямство, а от матери — огонь. Веру, которую Мария любила больше жизни.

И именно поэтому она не могла взять её с собой.

Она бежала по крышам, и под ногами скрипел ржавый металл. Один неверный шаг — и она провалится в темноту, в переулок, где ждут охотники. Но Мария не думала об этом. Она думала о Вере.

Вера была в переулке. Мария знала это. Она видела её минуту назад — маленькую фигурку в сером пальто, с растрёпанными тёмными волосами и слишком взрослыми глазами. Вера стояла и смотрела на неё снизу, и в её взгляде было столько всего — страх, надежда, непонимание, — что Мария едва не упала.

Она не могла взять Веру с собой. Не потому, что не хотела. Потому что знала: если они пойдут вместе, их поймут обоих. Сердце Пепла должно было попасть в безопасное место. А Вера должна была выжить.

Мария спланировала всё заранее. Она оставила дочь у тёти Лиды — соседки, доброй женщины, которая не была носителем, но которая любила Веру как родную. Она сказала Вере, что уходит за хлебом. Глупо, конечно. Но что ещё она могла сказать? «Я уйду, потому что за мной охотятся, и, если ты пойдёшь со мной, ты умрёшь»? Вера была ребёнком. Ребёнком, который уже потерял отца. Ребёнком, который не должен был потерять ещё и мать.

Но Вера не осталась у тёти Лиды. Она пошла за ней. Конечно, пошла. Она всегда была упрямой. Как её отец.

Мария остановилась на краю крыши. Внизу был переулок — узкий, тёмный, с лужами, в которых отражались прожекторы. И в этом переулке стояла Вера.

— Мама? — прошептала девочка.

Мария почувствовала, как сердце разрывается. Она спустилась по пожарной лестнице — быстро, тихо, как учила её мать. Потом опустилась на колени перед дочерью.

— Вера, — сказала она. — Запомни: ты не проклята. Ты — наследие.

Она вложила в ладонь дочери маленькую металлическую пластину. Пластина была холодной, но под пальцами девочки начала теплеть. На ней была выгравирована роза — символ ковена Пепельной Розы — и цифра «12».

— Спрячь. Никому не показывай. Даже тем, кто называет себя друзьями.

— Мама, что происходит? — Вера смотрела на неё широко раскрытыми глазами. — Почему ты уходишь?

— Я не уйду. — Мария сжала её руки. — Я... я должна кое-что сделать. Важное. Но я вернусь.

— Ты врёшь.

Мария замерла. Вера смотрела на неё — и в её глазах было не детское непонимание, а взрослая, горькая правда.

— Ты врёшь, — повторила Вера. — Ты не вернёшься.

Мария почувствовала, как слёзы жгут глаза. Она хотела соврать. Хотела сказать, что всё будет хорошо. Что они скоро встретятся. Что она просто уходит ненадолго. Но она не могла. Вера заслуживала правды.

— Я не знаю, — сказала она. — Я не знаю, вернусь ли. Но я знаю, что ты должна жить. Ты должна выжить. И однажды... однажды ты найдёшь Сектор 12.

— Что это?

— Место. — Мария коснулась её щеки. — Место, где нас не найдут. Где мы сможем быть собой. Где огонь не нужно прятать.

— Тогда почему ты не возьмёшь меня туда?

— Потому что я не знаю, где это. — Мария покачала головой. — Но ты найдёшь. Ты умная. Ты сильная. Ты справишься.

Сирены взвыли ближе. Мария вздрогнула.

— Мне нужно идти. — Она поднялась. — Иди к тётке Лиде. Скажи, что я ушла за хлебом. И не оборачивайся.

— Мама...

— Не оборачивайся. — Мария сжала её руку. — Что бы ты ни слышала. Что бы ни увидела. Не оборачивайся.

Она отпустила дочь и побежала. В темноту. Навстречу охотникам.

Она не обернулась. Потому что знала: если обернётся, если увидит лицо Веры, она не сможет уйти.

Охотник настиг её на крыше старого склада.

Он был молодым — лет двадцати, не больше. Светлые волосы, бледное лицо, слишком большие глаза. На его запястье был браслет Ордена — серебряный, с гравировкой. Не клеймо. Знак «чистого». Он не был носителем. Он был охотником. Человеком, который выбрал служить Ордену, потому что это было проще, чем бороться.

— Стой! — крикнул он. Голос молодой, злой, напуганный. — Именем Ордена, остановись!

Мария не остановилась. Она прижала сверток к груди и прошептала слова, которые мать говорила ей в детстве:

«Пепел помнит. Огонь не лжёт. Кровь не забывает».

Она коснулась рукой стены, и та вспыхнула тёплым светом. Не пламя — память. Воспоминание о первом снеге, о смехе дочери, о поцелуе, которого больше не будет. Стена открылась, выпуская её на узкий карниз.

Охотник выругался. Тени вокруг него взметнулись — его дар, — но Мария уже прыгнула.

Она упала на крышу соседнего здания, перекатилась и побежала дальше. Сверток в её руках пульсировал, как второе сердце. Осколок Сердца Пепла знал, что его несут в безопасное место. Или, может быть, он просто чувствовал её страх.

Охотник прыгнул за ней. Его тени вытянулись, как змеи, пытаясь схватить её за ноги. Мария увернулась, бросила за спину огненный шар — маленький, слабый, но достаточный, чтобы ослепить его на секунду. Охотник вскрикнул. Его тени рассыпались.

Она бежала дальше. По крышам, по карнизам, по водосточным трубам. Резервация осталась позади — теперь под ней был старый город, разрушенный, заброшенный, полный теней и памяти. Здесь когда-то жили люди. Теперь здесь жили только призраки.

Мария знала, куда бежит. Водонапорная башня. Старая, ржавая, заброшенная. Она спрята там сверток три недели назад — на случай, если придётся бежать. Тайник был надёжным. Никто не найдёт его. Никто, кроме Веры.

Потому что Вера знала. Мария оставила ей подсказку — в письме, которое так и не дошло. Но Вера была умной. Она найдёт. Она поймёт.

Мария добежала до башни. Внутри было темно и холодно. Она поднялась по ржавой лестнице на самый верх, нашла тайник — кирпич, который вынимался из стены. За ним была ниша. Пустая.

Мария замерла.

Ниша была пуста.

Она опустилась на колени. Провела рукой по холодному камню. Пусто. Свертка не было. — Ищешь это?

Голос раздался за спиной. Холодный. Спокойный. Знакомый.

Мария обернулась.

Кассиан Рейн стоял в дверном проёме. Высокий, седой, с лицом, вырезанным из камня. В его руках был сверток. Осколок Сердца Пепла.

— Ты, — прошептала Мария.

— Я. — Он улыбнулся. — Ты думала, что сможешь спрятаться от меня? В моём городе?

— Это не твой город.

— Всё мой город. — Он шагнул вперёд. — Всё, что ты видишь. Всё, что ты знаешь. Всё принадлежит мне.

Мария поднялась. Огонь под кожей вспыхнул — ярко, яростно, отчаянно.

— Отдай.

— Не могу. — Кассиан покачал головой. — Это слишком важно. Для тебя. Для меня. Для всех нас.

— Ты не понимаешь, что это.

— Понимаю. — Он посмотрел на сверток. — Это ключ. К власти. К бессмертию. К миру, который я построю.

— К миру, где все будут рабами.

— К миру, где не будет боли. — Кассиан улыбнулся. — Разве это не то, чего ты хочешь? Мария шагнула к нему. Огонь вырвался из её ладоней — белый, ослепительный.

— Я хочу, чтобы ты сгорел.

Кассиан не двинулся. Его тени взметнулись, окружили его, как щит. Огонь ударил в них и рассыпался.

— Ты слаба, Мария. — Он покачал головой. — Ты всегда была слабой. Ты думала, что сможешь спасти всех. Но ты не спасла даже своего мужа.

Мария закричала. Огонь вырвался из неё — весь, без остатка. Она жгла всё: стены, пол, воздух. Она жгла себя. Она жгла память.

Кассиан отступил. Его тени дрогнули.

— Достаточно.

Он поднял руку. Тени сомкнулись вокруг Марии, как кокон. Она почувствовала, как её дар гаснет — медленно, мучительно, как будто из неё вырывают сердце.

— Ты будешь жить, — сказал Кассиан. — Пока. Ты мне ещё нужна.

Мария упала на колени. Огонь погас. Память рассыпалась.

Последнее, что она увидела, — лицо дочери. Вера стояла в дверном проёме, бледная, с широко раскрытыми глазами. Она видела всё.

— Беги, — прошептала Мария. — Беги, Вера. Не оборачивайся.

Вера не обернулась.

Мария Коваль умерла через три дня.

Официально — от «осложнений». Неофициально — от «Клейма», которое применили к ней в лаборатории. Её тело сожгли в общей печи вместе с другими носителями. Её имя вычеркнули из всех списков. Её дочь осталась одна.

Но осколок Сердца Пепла не сгорел. Кассиан Рейн спрятал его в лаборатории — в самом защищённом месте, которое знал. Он думал, что артефакт в безопасности. Он думал, что никто не найдёт его.

Он ошибался.

Потому что Вера Коваль запомнила. Она запомнила лицо Кассиана. Запомнила башню. Запомнила, как мать упала на колени. Запомнила, как тени сомкнулись вокруг неё. Запомнила, как огонь погас.

Она запомнила всё. Кроме одного: как выглядела мать в тот момент, когда прыгнула в темноту.

Это воспоминание стёрлось — первое из многих, которые забрал её дар.

Огонь всегда берёт плату.

Пять лет спустя Вера всё ещё помнила тот вечер. Помнила запах гари, который преследовал её потом неделями. Помнила, как тётя Лида — не настоящая тётя, а просто соседка, которая согласилась присмотреть за девочкой, — плакала, когда поняла, что Мария не вернётся. Помнила, как её саму отправили в Приют Святой Ядвиги, где все де

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.